

БЫКАСОВ ВАЛЕРИЙ ЕГОРОВИЧ

ПОХОД ВЛАДИМИРА АТЛАСОВА ПО ЮГУ КАМЧАТКИ

Автор статьи предпринимает попытку переосмысления данных «Чертежей» начала XVIII века и применяет ландшафтно-ситуационный анализ сведений, приводимых в «скасках» Владимира Атласова, относящихся к его походу по южной части полуострова Камчатка в 1667–1669 годах. Приводимые им данные показывают, что казаками-атласовцами, помимо рек Большой и Голыгина, были открыты Голыгинские и Ходуткинские термальные источники, а также были получены первые устные сведения о реках Бобровке, Берёзовке и Аваче.

Ключевые слова: Владимир Атласов, казаки, Камчатка, Паужетка, Бобровка, Авача, Голыгина.

Keywords: Vladimir Atlasov, cossacks, Kamchatka, Pauzhetka, Bobrovka, Avacha, Golygina.

Обзор существующих попыток описания похода отряда Владимира Атласова по западному побережью Камчатки (1667 г.) свидетельствует о том, что обычно таковые описания завершаются утверждением исследователей о достижении казаками реки Голыгина (Нынгучу) и о возвращении оттуда на реку Ичу. При этом историки (А. В. Ефимов, Г. А. Леонтьева, Б. П. Полевой и др.) непременно подчёркивали, что землепроходцы от устья реки Голыгина видели первые Курильские острова и всего за три дня не дошли до Бобровой (Каланской) реки, понимая под ней современную реку Озёрную.

Однако внимательный анализ исторических материалов и надписей карт и чертежей начала XVIII века позволяет говорить о том, что во время пребывания на юге полуострова казаки отряда В. Атласова, помимо реки Голыгина, побывали на реках Ильинской, Инканюш, Вестник, Ходутке, а также на Голыгинских и Ходуткинских термальных источниках, получив при этом первые устные сведения о реках Аваче, Берёзовке и Бобровке.

Всем этим и предопределяется необходимость прояснения некоторых обстоятельств, связанных с походом отряда В. Атласова по южной части полуострова Камчатка, на основе методологии ландшафтно-ситуационного анализа, суть которого, если предельно кратко, состоит в системном сопоставлении данных исторических событий с их физико-географическим обрамлением [2].

Понятно, конечно же, что таковой подход не заменяет, а всего лишь дополняет обычную работу с первичными архивными материалами и с данными исторических исследований. Тем не менее он позволяет как минимум обнаруживать чисто географические ошибки в исторических работах, коих, к сожалению, встречается немало. И как максимум помогает обращать внимание на те особенности ландшафтного антуража описываемого исторического события, которые побуждают несколько иначе осветить либо само это событие в целом, либо некоторые его обстоятельства.

К числу таковых, требующих дополнительного прояснения обстоятельств похода В. Атласова относится, например, ситуация с рекой Авачей, о которой известный отечественный историк Б. П. Полевой высказался следующим образом: «Из дошедших до нас документов ясно видно, что участники камчатских походов Л. С. Мороско-Старицина — Иван Енисейский (1695–1696) и В. В. Атласов (1697–1699) — не только сами не бывали в районе Авачи, но и не смогли доставить каких-либо сведений об этой реке на основании сообщений местных жителей» [20, с. 125].

С тем, что названные землепроходцы (кстати, В. Атласов был не участником похода Л. Мороско, а предводителем самостоятельного отряда) не могли побывать в районе реки

Авачи, остаётся только согласиться. Однако утверждение Б. П. Полевого об отсутствии у В. Атласова сведений о реке Аваче вызывает сомнение, так как между утверждениями «не имели сведений» и «не доставляли сведений» абсолютного равенства нет. И сомнение тем более обоснованное, что в официальной обстановке атаман кое-что в своих рассказах о Камчатке сознательно упустил. То есть при анализе его данных следует иметь в виду не только то, что он сказал в Якутском, Тобольском и Сибирском приказах, но и то, о чём он умолчал при создании своих «скасок», в том числе и о реке Аваче, и о горячих ключах юга Камчатки.

Карта Сибири от Енисея до Камчатки включительно (между 1699 и 1715 гг., деталь) [1, чертёж № 49].

Чертеж Ремезова — Атласова [1, чертёж № 48].

И умолчал, надо думать, потому, что не хотел упоминать о своём выходе на юго-восточное побережье полуострова, ибо это было отступлением от его главной задачи — приведения в подданство аборигенов и сбора с них ясака.

Однако, как представляется, при общении со знаменитым сибирским картографом Семёном Ремезовым в Тобольске в декабре 1700 года он был более откровенным, ибо только этим можно объяснить появление на «Карте Сибири от Енисея до Камчатки включительно (между 1699 и 1715 гг., деталь)» и на «Чертеже Камчатки Ремезова — Атласова», якобы созданном около 1700 года, рек Бобровки, Берёзовки и Вавачи, а также надписей, относящихся к Гольгинским и Ходуткинским горячим ключам, о которых на момент создания названных чертежей, кроме В. Атласова, никто говорить не мог.

В пользу этого предположения говорит отсутствие на «Чертеже И. П. Козыревского, 1713 г.» рек Бобровки и Берёзовки, расположенных южнее Авачинской губы. Да и в своих «Текстах» к названному чертежу камчатский казак И. П. Козыревский написал: «В прошлом 715 году по сему

Чертеж Козыревского, 1713 год
(надписи сделаны С. У. Ремезовым) [1, чертёж № 50].

берегу и к носу вновь ясак брал и воинскими походами иноземцев на Аваче и на Муре реке (на Асаче. — В. Б.) умирил» [24, с. 260], ни единым словом не обмолвившись при этом о реках Берёзовке и Бобровке. Как ничего не говорил об этих же реках и Фёдор Болдаков, которого И. Козыревский в том же 1715 году посылал «...со служилыми в Камчадальской нос и на ближние острова с Авачи морем в байдарках ради ясачного сбора...» [24, с. 261].

Итак, В. Атласов действительно знал больше, чем последующие землепроходцы, посетившие юго-восточную часть Камчатки спустя 5–15 лет после него. Знал же, например, он из расспросов аборигенов о том, что «три дни не доходил до реки Бобровой», хотя сам он на ней так и не побывал. Как знал он и об ежегодных посещениях юго-восточных берегов полуострова японцами в районе Бобровой реки: «...иноземцы ж сказывали, что в Камчадальской стороне повыше (севернее. — В. Б.) Камчатки (реки. — В. Б.) к Каланской Бобровой реке приходят по вся году бусы и берут у иноземцев нерпичей и каланский жир, а к ним что на бусах привозят ли — неведомо» [23, с. 81].

Тем не менее историки и краеведы не обращали внимания на то, что казачий пятидесятник привязывал расположение реки Каланской (Бобровой) к крайнему юго-востоку, а не юго-западу Камчатки. Более того, полностью соглашаясь с В. Атласовым в том, что тот за три дня не доходил до

Каланской реки, они под этой самой Бобровой рекой понимали реку Озёрную. Хотя сам атаман об Озёрной никогда и ничего не говорил. О чём позволяет судить то, что на «Карте Сибири от Енисея до Камчатки включительно...» и на «Чертеже Камчатки Ремезова — Атласова», нарисованных с привлечением данных В. Атласова, Курильское озеро есть, а вытекающей из него реки Озёрной нет.

И действительно, на указанных картах условные обозначения двух ключей с вытекающей из них безымянной рекой (а также надписи «В Курильской земле здесь ключи», «Река из ключей» и «Ключи горячие») располагаются северо-восточнее Курильского озера, тогда как Курильское озеро нарисовано бессточным. А потому правильнее будет считать, что изображения названных ключей и вытекающей из них реки относятся к современной реке Голыгина.

Позволяет говорить об этом и то, что данные о горячих ключах Паужетки казаков отряда Родиона Преснецова, побывавших в конце 1703 года на реке Озёрной, были записаны в Якутске лишь в 1707 году. А потому на момент составления названных выше карт неизвестными, ибо что-то, но упустить возможность упомянуть о горячих водах, которые «...большими ключами бьют кипятком вверх в сажень», он никак не мог. Так что о реке, истоки которой привязаны к ключам, расположенным вне долины реки Озёрной, мог сообщить только В. Атласов.

Отмечу, кстати, что отряд В. Атласова до посещения реки Голыгина с термальными источниками как таковыми не сталкивался. Во всяком случае, сам атаман в своих «скасках» об этом ничего не говорил. И не говорил, надо думать, потому, что решил умолчать о своём посещении юго-восточного побережья Камчатки. И только при общении с С. Ремезовым он сообщил некоторые данные о горячих ключах. Другое дело, что это были явно не Паужетские термальные источники.

И в самом деле, на «Карте Сибири от Енисея и до Камчатки включительно» имеется надпись: «Воды кипящие из под земли бьют, от ключей река течёт в море, а вода ключевая на с...[две] версты горяча, а если в те ключи птицу и не варено что положить, то сварится». А поскольку эта надпись располагается на восточной стороне Камчатского полуострова (точнее, восточнее его главного водораздела), то данное сообщение явно принадлежит В. Атласову. И это тем более верно, что в нём говорится о двухвёрстной тёплой реке, но ничего не сказано о гейзерах.

Тем не менее историки и краеведы раз за разом отождествляли эту надпись со свидетельством Р. Преснецова о Паужетских источниках: «А от тех теплых вод, за тою Большой рекой ещё видел ходом в двух же неделях за четырьмя реками немалыми близко иноземческого вышеописанного Курильского острожка в полуднице с обе стороны речки

малой с берегов и ровных мест идут тёплые воды большими ключами бьют кипятком вверх в сажень, а шириною, в тех ключах откуда та вода бьёт, окна обрешют 3 [сажени], а иные и меньше и текут в ту речку, а тою речкою до большой реки десятины с три зело горячи ж, пити не можно и ту де горячую воду черпали они служивые люди в посудинах и в ту воду клали рыбу и та рыба сварилась без огня, и в той большой реке та вода равняется с обычной водою» [Цит. по: 20, с. 130].

Более того, Б. П. Полевой, обнаруживший это свидетельство казака, совершенно не обратил внимания на то, что Р. Преснецов далее Паужетских горячих ключей не ходил. Во всяком случае, казак в своих показаниях не говорил даже о Курильском озере. Как не говорил он и о двухвёрстной тёплой реке, поскольку на Паужетке имеются только небольшие по длине и расходу воды тёплые и горячие ручейки, стекающие в реку Паужетку.

И действительно, Паужетские гидротермы располагаются в 18 километрах к западу от Курильского озера, возле северного подножия Камбального хребта. Где на термальной площадке, приуроченной к пойме реки Паужетки (левого притока реки Озёрной), до начала проведения буровых работ в середине XX века существовало два небольших

Якутская карта, 1710–1711 годы (деталь) [1, чертёж № 54].

гейзера, несколько парящих и пульсирующих источников, большое количество мелких выходов горячей воды и небольшое грязевое озерко. Тогда как Озерновские термальные источники располагаются на левом берегу реки Озёрной, в 26 километрах от её истока [17].

Однако и на «Карте Сибири от Енисея до Камчатки включительно...», и на «Чертеже Камчатки Ремезова — Атласова», и на «Якутской карте, 1710–1711 гг.» горячие ключи расположены севернее Курильского озера. Из чего однозначно следует, что В. Атласов о реке Озёрной и термальных источниках в её долине ничего не знал. Что и подтверждается комментарием к «Якутской карте...»: «Река Большая, пала в Пенжинское море. Опала. Голыгина. Озеро. На озере остров, на острове острог курильских людей немирных. От Курильской земли влево пошла земля низменная через неё вдали значатца горы. Ключи горячественные, ис под земли бьют, от ключей река течёт, 3 версты, а буде в ключи положить птицу или мясо сырое, на рожне — сварница кипящие воды. Р. Вырезовка, Бобровка» [1, с. 38].

Кстати, стоит отметить, что исследователи, составившие список комментариев к этой карте, название «Берёзовка» расшифровали как «Вырезовка». Понятно, конечно же, что разобраться в русской скорописи тех времён не всегда просто. Однако, если вспомнить, что на «Карте Сибири от Енисея до Камчатки включительно...» и на «Чертеже Камчатки Ремезова — Атласова» на этом же месте располагается река Берёзовка, то становится ясным, что на самом деле на «Якутской карте...» нарисована река Берёзовка, а не «Вырезовка».

Итак, всё изложенное позволяет считать, что единственной рекой юго-западной части Камчатки, в долине которой казаки В. Атласова могли обнаружить горячие ключи, является река Голыгина (Нынгучу), на правом берегу которой, в двух километрах выше впадения в неё реки Кузаньки, располагаются Голыгинские термальные источники. Ибо кроме В. Атласова о горячих ключах, расположенных северо-восточнее озера Курильского, долгое время никто не говорил.

И действительно, о Голыгинских термальных источниках, как, впрочем, и о горячих ключах бассейна реки Озёрной, ничего не сказал Семён Ломаев, посланный приказчиком Камчатки В. Колесовым летом 1705 года во главе 40 казаков на юг Камчатки для усмирения курил, не желающих платить ясак.

Не доставил таковых вестей и Михайло Наседкин, посланный тем же В. Колесовым зимой 1706 года для проведывания земли от Курильского острога и до Камчатского носа. Не упоминал о Голыгинских, Ходуткинских, а также о Паужетских и Озерновских горячих ключах, и И. Козыревский. Хотя река Озёрная, вытекающая из Курильского озера, на его чертеже уже присутствует. И хотя на этом же чертеже обозначены Начикинские горячие ключи реки Большой.

Более того, даже 40 лет спустя после похода В. В. Атласова С. П. Крашенинников написал: «Горячие ключи в шести местах мною примечены: 1) на реке Озерной, которая течёт из Курильского озера, 2) на речке Паудже, которая в Озерную пала; 3) на речке Бааню, которая за росошину Большой реки почитается, 4) близ Начикина острогу, 5) около Шемячинского устья, 6) на ея вершинах» [9, с. 179]. То есть и он ничего не сказал о Голыгинских горячих ключах как таковых. И не сказал потому, что сам он на этих ключах не побывал, а сведения о них, добытые В. Атласовым, оказались ему по разным причинам неизвестными.

Подобная же ситуация сложилась и с Ходуткинскими гидротермами. И в самом деле, достигнув на юго-западном побережье полуострова реки Голыгина, от устья которой В. Атласов «...на море видел как бы острова есть» [23, с. 81], отряд казаков круто повернул на восток. Причём казаки пошли вверх по долине реки Голыгина потому, что В. Атласов вознамерился отыскать на юго-восточном побережье бусу с кладом серебряных монет, выброшенную на берег в районе устья реки Инканюш. И это, кстати, не только моё мнение. Об этом, например, говорила Г. А. Леонтьева [12, с. 104]. Да и камчатский краевед М. Я. Жилин [7, с. 35–36], ссылаясь на данные Сибирского приказа, также считал, что В. Атласов с целью поиска клада серебряных монет побывал в устье реки Инка (Инканюш).

Выйдя по реке Голыгина и её притоку Правому Унконовичу к пологому и невысокому перевалу, расположенному между вулканами Желтовским и Ильинским, казаки спустились с него к реке Ильинской и по ней вышли к океанскому

Фрагмент физико-географической карты юго-восточного побережья Камчатки.

побережью, неподалёку от устья реки Инканюш. Однако, не обнаружив здесь «чаемую» бусу, которую к этому времени вновь унесло в океан, они последовали далее на север. И по низменным приустьевым участкам долин рек Инканюш, Ильинской и Жёлтой вышли к реке Вестник, по которой подошли к реке Инюшке (левый приток Вестника), прошли её долиной к верховьям реки Малой Ходутки и уже по ней спустились к реке Большой Ходутке.

Кстати, ко всему сказанному стоит добавить, что «Низменная земля» на «Карте Сибири от Енисея до Камчатки включительно...» относится не к основанию мыса Лопатка, как считал Б. П. Полевой [20, с. 150], а к нижним частям долин рек Инканюш, Ильинской, Жёлтой, Вестник и Инюшки. То есть эта надпись, изначально расположенная не южнее, а северо-восточнее Курильского озера, явно привязывается к тому низменному участку юго-восточного побережья полуострова, на который отряд В. Атласова вышел в поисках бусы японца Денбея.

Что же касается последующей части похода атласовцев, то её можно представить следующим образом. Поскольку севернее устья реки Ходутки морской берег представлен узкими пляжами, обрывами и непропусками, то дальнейшее продвижение с оленями вдоль побережья стало невозможным, ибо на каменистых пляжах корма для оленей было предельно мало. Вот отчего, а также по причине наступившей зимы («А у Курилов никаких судов к водному ходу не видел, для того, что был зимним временем» [23, с. 82]) и начавшегося падежа оленей казаки были вынуждены направиться по долине реки Ходутки к западной стороне полуострова. Обнаружив при этом те самые «кипящие воды», в которых можно было варить мясо и рыбу.

Судить об этом позволяет надпись на «Карте Сибири от Енисея до Камчатки включительно...»: «Воды кипящие из под земли бьют, от ключей река течёт в море, а вода ключевая на с (буква с чертой — титлом — наверху в русской арифметике обозначает цифру 200. — В. Б.) версты горяча, а если в те ключи птицу и не варено что положить, то сварится», которая не может относиться к Голыгинским термальным источникам уже хотя бы потому, что там термальная вода выбивается на поверхность по обе стороны небольшого ручья [13, с. 42]. При этом наиболее сильные её выходы отмечаются у подножия надпойменной террасы, где расположено горячее озерко около 10 метров в поперечнике и глубиной до 0,5 метра, с температурой воды в летний период до 43–45°C, тогда как сам ручей остаётся холодным. Да и длина его от места выхода термальных вод до реки Голыгина не превышает 300 метров.

Но коль скоро так, то единственным водотоком, к которому можно (и следует) отнести надпись о 200-километровой «горячей реке», может быть только река Ходутка.

И может быть потому, что казаки В. Атласова её истоком посчитали современную реку «Горячую» длиной около одного километра, шириной до 15–20 метров и глубиной до 1,5 метра. А поскольку отепляющее воздействие «Горячей» реки сказывается на достаточно большом расстоянии от её устья, то казаки В. Атласова и саму реку Ходутка назвали «Тёплой рекой».

Что же касается собственно «Горячей реки», то её формирование связано с 20 выходами термальной воды вдоль береговой линии и на дне реки [8, с. 149]. При этом наиболее мощные выходы термальной воды приурочены к двум большим грифонам, температура воды в которых достигает 78°C [13]. Однако мощные отложения гейзеритов в этом месте свидетельствуют о том, что раньше эти источники были гораздо более сильными и что вода в них во времена В. Атласова была явно более горячей, чем сейчас.

Кстати, поскольку при выходе термальных вод на поверхность содержащийся в них газ заставляет воду бурлить, то нет ничего удивительного в том, что таковое бурление казаки воспринимали за кипение. Хотя на самом деле её температура могла быть заметно меньше 100°C.

Итак, всё изложенное говорит о том, что В. Атласов действительно знал о существовании «Горячей реки», о чём позволяет судить надпись «Якутской карты, 1710–1711 гг. (деталь)»: «Ключи горячественные, ис под земли бьют, от ключей река течёт, 3 версты, и вода горяча, а буде в ключи положишь птицу или мясо сырое на рожне — сварца кипящие воды». Ибо эта надпись, располагаясь на восточной (Камчадальской), а не западной стороне полуострова, и по своему содержанию, и по своему смыслу тождественна соответствующей надписи «Карты Сибири от Енисея до Камчатки включительно...». Иное дело, что в этом случае речь идёт уже не о 200-вёрстной тёплой реке Ходутке, а о впадающей в неё короткой «Горячей реке».

Но мог ли отряд В. Атласова побывать в этих местах? На мой взгляд, вполне, так как казаки варить мясо могли только на этой «Горячей реке», ибо, как уже говорилось выше, на Паужетке они не были, а на Голыгинских ключах температура воды даже летом не превышает 43–45°C.

Ну, а далее ситуация сложилась следующим образом. Побывав на «Горячей реке», казаки горными тундрами проследовали на запад, к приморской равнине. При этом они по рекелевой Ходутке вышли к Голыгинскому озеру, образованному выходами многочисленных холодных ключей. Отчего, надо полагать, они и привязали к нему один из истоков реки Голыгина, тогда как второй исток они увязали с Голыгинскими горячими ключами. Выйдя по вытекающей из этого озера нынешней реке Кузанёк, которую сами казаки называли Голыгиной, на западное побережье полуострова, казаки по нему проследовали к реке Большой и далее —

к реке Иче, где ими ранее был оставлен кош (казацкий стан) с частью служивых людей и с японцем Денбеем [22, с. 74].

И вот что обо всём этом сказал сам В. Атласов: «А до Бобровой реки, которая на Пенезжской стороне, не доходил он Володимер за три дня. А от той реки — сказывают иноземцы — по рекам людей есть гораздо много. И оттого воротился он Володимер с служилыми людьми назад и пришёл на Ичу реку. Божьим изволением олени у них выпали и итти им было вскоре в Анадырский острог не на чем, и он де на той Иче реке поставил зимовье» [22, с. 74–75]. Кстати, из этого свидетельства следует, что юго-восточное побережье было довольно плотно заселено курилами. А потому сомневаться в том, что от них казаки сумели получить сведения о реках Берёзовой, Бобровой и Ваваче не приходится. Как не приходится сомневаться и в том, что именно от ходуткинских курилов они сумели узнать о том, что до Бобровой реки им оставалось три дня пути. При этом они под рекой Бобровой, скорее всего, понимали нынешнюю реку Асачу.

Однако историки и краеведы этим фактам вопреки отождествляли реку Бобровку с рекой Озёрной, вытекающей из Курильского озера, совершенно не обращая при этом внимания на то, что В. Атласов о существовании этой реки, как уже говорилось, не знал, а потому и не мог именовать её Бобровой рекой. Как не обращали они внимания и на то, что река Бобровка и на «Карте Сибири от Енисея до Камчатки включительно...», и на «Чертеже Камчатки Ремезова — Атласова» располагается на юго-восточном, а не на юго-западном побережье полуострова.

Не заметили мои предшественники и того, что и на названных картах, и на «Якутской карте...» севернее реки Бобровки нанесены реки Берёзовка и Вавача, а не реки Гольгина, Опала и Большая, как следовало бы, если бы В. Атласов под Бобровой рекой понимал нынешнюю реку Озёрную.

Но в таком случае остаётся признать, что, скорее всего, причиной отождествления реки Озёрной с рекой Бобровой послужило то, что В. Атласов оговорился, сказав вместо «на Камчадальской стороне» — «на Пенезжской стороне». Как, кстати, точно также он оговорился, когда сказал: «А за камчадальцами вдаль живут иноземцы — видом против камчадальцев чёрные и бороды меньши» [23, с. 79], ибо курилы от ительменов отличались большими бородами.

Впрочем, появление слов «на Пенезжской стороне» можно объяснить и тем, что В. Атласов не знал (да и не мог знать) о существовании Тихого океана как такового. Как не мог он знать и того, что «Пенезжское» (Охотское) море является частью его акватории. Зато из расспросов местных жителей ему было ведомо, что южная оконечность Камчатки и с запада, и с востока омывается одним и тем же морем, которое он, как и любой другой на его месте, вполне резонно посчитал Пенжинским.

Карта земли Камчатки с около лежащими местами (до 1755 г.) [1, чертёж № 115].

Напомню, кстати, в связи с этим, что даже через полвека после похода В. Атласова всю акваторию, прилегающую к восточным берегам Камчатки, именовали Камчатским морем и что даже в начале XX века на российских картах северо-западная часть Тихого океана именовалась Восточным океаном.

Что же касается С. П. Крашенинникова, на суждение которого в этом вопросе ссылаются исследователи, то он о реке Бобровой говорил, скорее, предположительно, нежели утвердительно: «Понеже ныне никакой реки на Камчатке Каланскую не называют, **чего ради заподлинно знать не возможно** (здесь и далее выделено мною. — В. Б.), до которых мест доходил Атласов; а по словесным известиям Камчатских старожиллов, доходил оной до реки Нынгучу, что именем Гольгина называется, по имени казака Гольгина, который в оном Атласовом походе пропал безвестно: **чего ради думать должно**, что Атласов под именем **Каланской** реки разумеет Игдыг или реку Озёрную, на которую с Гольгиной переезжают в третий день; а Каланскую назвали они её, **может быть**, по бобрам морским, которые там промышляются, и прежде сего писались Каланами» [9, с. 69]. То есть, как можно видеть, он всего лишь высказал предположение о тождестве реки Озёрной с «Каланской» рекой.

И, надо сказать, что для таковой осторожности в оценке ситуации с рекой Озёрной у великого натуралиста были весомые основания, ибо, побывав весной 1738 года на реке Озёрной, бывший студент ничего не сказал о добыче каланов в районе её устья. Да и от казаков Большерецка — от того же, например, Степана Плишкина, побывавшего по его наказу с 19 марта по 19 июля 1738 года на мысе Лопатка и на двух первых Курильских островах [9], он о

добыче морских бобров в районе реки Озёрной также ничего не слышал.

Впрочем, это и понятно, ибо морские бобры вблизи устья Озёрной постоянно не обитали, хотя одиночные каланы иногда заплывали и до реки Озёрной, и даже до реки Большой [3]. И не обитали потому, что берег Охотского моря по обе стороны от устья Озёрной сложен галечниками и песками, тогда как каланы предпочитают скальные, с обилием надводных и подводных камней, берега, потому что именно на каменистых субстратах обитают разнообразные моллюски — основной продукт питания каланов. Не случайно же для разведения моллюсков сооружают искусственные рифы и каменные нагромождения, а не намывают песок и гальку. Так что, если на крайнем юго-западе Камчатки и добывали бобров, то происходило это в 20–25 километрах и более к югу от реки Озёрной, то есть там, где к морю выходят скальные отроги Южной подобласти Восточного вулканического пояса.

Итак, исходя из всего сказанного, можно утверждать, что В. Атласов рекой Бобровой (Бобровкой) именовал одну из рек юго-восточного побережья полуострова. Правда, при этом несколько смущает то, что на «Чертеже И. П. Козыревского, 1713 г.» рек с названиями «Бобровка», «Берёзовка» и «Лиственнишная», расположенных южнее Авачинской губы, как уже говорилось, нет. Хотя он и сам побывал в этих местах, и казака Фёдора Болдакова туда посылал. Однако это можно объяснить тем, что И. Козыревский о существовании «Чертежей» С. Ремезова с реками Бобровкой и Берёзовкой не был знаком, а потому и не мог знать, что В. Атласов под рекой Бобровой понимал нынешнюю реку Асачу.

Зато на этом же чертеже И. Козыревского имеются реки с именами «Берёзовая» и «Бобровая», впадающие в Кроноцкий залив. И появились эти имена там, надо полагать, потому, что они были присвоены этим рекам казаками отряда Потапа Серюкова в 1698 году, от которых, пусть и через вторые руки, И. Козыревский и смог узнать их названия.

И действительно, в конце лета 1698 года, то есть сразу же после окончания постройки Верхнекамчатского зимовья, казаки отряда П. Серюкова предприняли поход на море с бобрами, о котором они узнали от местных жителей. Выйдя по рекам Повыче (ныне Кавыча) и Перевальной к Ганальскому хребту, казаки спустились с него к реке Мальцевской и двинулись по тропе, фрагментарно сохранившейся в этих местах вплоть до последней трети XX века. Следуя которой, они через перевал Берёзовый сперва подошли к горе Берёзовой (потухший вулкан Берёзовый), а затем, миновав нынешний вулкан Малый Семячик, одно время именовавшийся Берёзовым хребтом, вышли на всхолмленную предгорную равнину, поросшую каменноберёзовым лесом, и по ней спустились к устью реки Берёзовой. И не исключено, что

эта череда топонимов с одним и тем же корнем появилась здесь именно потому, что этими местами к океану прошли казаки П. Серюкова.

Выйдя к океану, они, следуя от лимана реки Берёзовой на север, подошли к мысу Жупановский с его скалистыми утёсами и надводными и подводными камнями, пригодными для обитания каланов. И, обнаружив там небольшое стадо морских бобров, они назвали нынешний большой ручей Бондаренкин, впадающий в Кроноцкий залив возле северного основания Жупановского мыса, Бобровой рекой, а сам Кроноцкий залив — Бобровым морем. То есть только здесь казаки смогли узнать о приверженности морских бобров к скалистому (дресвяным, как пишет В. Атласов, прознавший об особенностях обитания бобров от П. Преснецова) берегам. И именно здесь они добыли тех 10 морских бобров, шкурки которых они переслали В. Атласову на реку Ичу, привезённые им затем вместе с другим ясаком в Якутск. Хотя некоторые исследователи [12] считали, что летом 1698 года на побережье Бобрового моря побывал и сам В. Атласов.

Завершая свой поход, казаки отряда П. Серюкова, следуя по побережью к северу, вышли к реке Семячик, где они обнаружили рощу пихты сахалинской (грациозной) и, восприняв это дерево за лиственницу, назвали реку Семячик Лиственничной рекой. А затем по тропе, приуроченной к долине этой реки, ушли в Верхнекамчатск.

Во второй раз сведения об этих северных реках были получены казаками отряда Родиона Преснецова в 1703 году, которые, отклонившись после спуска с Ганальского хребта влево к реке Семячик (Шемечь), вышли по её долине к Кроноцкому заливу и направились далее по его берегу к югу. При этом казаки убедились и в существовании рощи пихты грациозной возле устья реки Семячик, и в обитании морских бобров вблизи устья реки Бобровой (ручья Бондаренкина), и в наличии реки Берёзовой, о которых им было известно из рассказов людей отряда П. Серюкова, встреченных ими ещё на подходе к Камчатке. И уже от них сведения об этих реках дошли до других землепроходцев, в том числе и до И. Козыревского.

Таковой выглядит ситуация с появлениями на ранних чертежах юго-восточного побережья Камчатки двух разных ареалов с почти одинаковыми гидронимами: Берёзовки и Бобровки — севернее реки Ходутки, и Бобровой и Берёзовой — на побережье Кроноцкого залива. И удивляться этому не приходится, ибо при освоении северо-востока Азии землепроходцы, из-за неумения создавать более или менее точные чертежи посещённых ими территорий, постоянно присваивали одни и те же географические названия совершенно разным ландшафтными объектам [2].

Впрочем, что там неграмотные и полуграмотные казаки. Ведь даже на «Карте земли Камчатки с около лежащими

местами», созданной адъютантом Императорской академии наук Иваном Трускотом в 1754 году, реки Гижиги как таковой нет, а река Пустая оказалась размещённой на материке и притом текущей с севера на юг. Хотя ещё С. П. Крашенинников указывал, что эта река протекает на севере Камчатского полуострова с юга на север [9, с. 80]. Нет на этой карте и Гижигинской губы. Да и штурманы пакетбота «Св. Пётр» также поначалу приняли остров Беринга за Камчатку. Так стоит ли упрекать простых казаков в появлении рек с одним и тем же названием в разных местах?

Итак, всё изложенное позволяет говорить о том, что считать реку Озёрную рекой Бобровой (Каланской) должных оснований нет. А потому под рекой Бобровкой в трактовке В. Атласова, скорее всего, нужно понимать реку Асачу, в районе устья которой обитает небольшое локальное стадо каланов, восстановившееся уже в наше время.

Правда, на современных картах южнее Авачинской губы река Бобровая как таковая отсутствует. Однако реки с названием «Берёзовая» и «Лиственничная» там есть [10; 14]. И не исключается, что эти названия могли дойти до нас ещё со времён В. Атласова. Во всяком случае, такое объяснение причин появления данных гидронимов на юго-восточном побережье не противоречит ситуации со становлением географической номенклатуры полуострова.

Таким образом, ландшафтно-ситуационный анализ данных, относящихся к походу отряда В. Атласова по крайнему югу Камчатки, позволяет говорить о том, что землепроходцы не только открыли Гольгинские и Ходуткинские горячие ключи, но и получили от местных жителей данные о реках Берёзовке, Бобровке и Аваче. Правда, при этом казаки ничего не узнали об Авачинской губе. Однако это, на мой взгляд, объясняется тем, что в языке курил слово (и понятие), аналогичное русскому слову (понятию) «губа», отсутствовало. А поскольку переводчики в этом диалоге русских с курилами недостаточно хорошо знали курильский язык, то казаки и курилы просто не сумели понять друг друга.

Стоит отметить и то, что именно использование методологии ландшафтно-ситуационного анализа при интерпретации скудных сведений землепроходцев позволило обнаружить некоторые ошибки в описании похода атласовцев по южной оконечности полуострова, допущенных предыдущими исследователями, а также, пусть бы и отчасти, объяснить причины их появления. Правда, при осуществлении этого анализа я опирался на суждения и мнения лишь наиболее признанных авторитетов в сфере познания истории открытия Камчатки. Но и это вполне понятно, ибо в рамках одной статьи рассмотреть все имеющиеся публикации на заявленную тему просто невозможно.

Что же касается самих указаний на ошибки предшественников, то это всего лишь подкрепляет общепризнанный постулат о том, что от ошибок никто не застрахован. А потому, надеюсь, что и к моим вероятным ошибкам возможные оппоненты отнесутся не как к криминалу, а как к вполне нормальным издержкам процесса поиска истины. Но вот для того, чтобы таковые поиски были более содержательными, и пришлось прибегнуть к частому цитированию. Ибо при моих ранних попытках обойтись без привлечения цитат оппоненты, рецензенты и эксперты, не пожелав заглянуть в упоминаемые мною первоисточники, зачастую обвиняли меня в трёх «грехах»: в незнании фактического материала, в искажении мнений и суждений других исследователей и в подрыве их авторитетов. А иногда и в неэтичности, поскольку-де ушедшие исследователи не могут отстаивать свои представления. Так что иного, кроме прямого цитирования, способа для того, чтобы избежать ненужной полемики по поводу того, кто есть кто, просто нет.

К тому же, добавлю, что, приводя ту или иную цитату с указанием страницы из первоисточника и выражая своё мнение по поводу её содержания, я, по сути дела, предоставляю оппонентам, рецензентам и читателям возможность думать об анализируемой проблеме, а не об авторе публикации. Априори предполагая тем самым, что в результате таковых раздумий кто-то сможет предложить более точное или, по крайней мере, более изящное её решение.

Список использованных источников

1. Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке. XVII–XVIII вв. / Акад. наук СССР ; Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; под ред. чл.-кор. АН СССР А. В. Ефимова. — Москва : Наука, 1964. — 194 карт ; XV, 134 с.
2. Быкасов, В. Е. Путешествие имён по карте / В. Е. Быкасов // Дальневосточный регион России, XVII–XIX вв. : сб. науч. ст. — Владивосток, 2015. — С. 253–291.
3. Вершинин, А. А. Каланы у берегов Камчатки / А. А. Вершинин, Б. В. Хромовских // *Вопр. геогр. Камчатки*. — 1977. — № 7. — С. 19–25.
4. Ефимов, А. В. Документы об открытиях русских землепроходцев и полярных мореходов в XVIII веке на Северо-Востоке Азии : [вступ. ст.] // *Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии : сб. докл. / сост. Н. С. Орлова*. — Москва, 1951. — С. 6–48.
5. Ефимов, А. В. Из истории великих русских географических открытий / А. В. Ефимов. — Москва : Наука, 1971. — 300 с.
6. Ефимов, А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII – первая половина XVIII в. / А. В. Ефимов. — Москва : Гос. изд-во географической лит., 1950. — 317 с.
7. Жилин, М. Я. Камчатский Ермак / М. Я. Жилин // *Камчатский Ермак : сборник*. — Петропавловск-Камчатский, 2011. — С. 7–47.
8. Камчатка. Справочник туриста / авт. текста: В. Ф. Мокряк [и др.]. — Петропавловск-Камчатский : РИО КОТ, 1994. — 228 с.
9. Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки : в 2-х т. Т. 1 / С. П. Крашенинников. — Репринт. изд. — Санкт-Петербург, 1993. — 200 с.

- тербург : Наука ; Петропавловск-Камчатский : Камчат, 1994. — 438 с.
10. Кусков, В. П. Краткий топонимический словарь Камчатской области : (из истории происхождения геогр. названий) / В. П. Кусков ; Камчат. отд. Геогр. о-ва СССР. — Петропавловск-Камчатский : [Дальневост. кн. изд-во], 1967. — 128 с.
11. Лебедев, Д. М. География в России петровского времени / Д. М. Лебедев. — Москва ; Ленинград : Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1950. — 384 с.
12. Леонтьева, Г. А. Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки / Г. А. Леонтьева. — Москва : Информ.-внедренч. центр «Маркетинг», 1997. — 189 с.
13. Лодис, Ф. А. Камчатка — край лечебный / Ф. А. Лодис, В. И. Семёнов. — Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во : Камчат. отд-ние, 1993. — 150 с.
14. Лоция Берингова моря. Ч. 1 : Восточный берег Камчатки / Упр. нач. гидрограф. службы Воен.-Мор. флота. — Ленинград : [б. и.], 1959. — 245 с.
15. Океанографическая энциклопедия / пер. с англ. А. А. Алимова [и др.]. — Ленинград : Гидрометеиздат, 1974. — 630 с.
16. Отписка сына боярского Курбата Иванова в Якутскую приказную избу о промыслах моржовой кости на р. Анадыре, новых местах её нахождения, трудностях службы в анадырском остроге // Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. — Москва, 1951. — С. 405–408.
17. Паужетские горячие воды на Камчатке / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т вулканологии. — Москва : Наука, 1965. — 208 с.
18. Полевой, Б. П. Казачья «скаска» 1707 г. о камчатских гейзерах и Ключевской сопке / Б. П. Полевой // Вопросы географии Камчатки. — Петропавловск-Камчатский, 1965. — Вып. III. — С. 119–122.
19. Полевой, Б. П. Кем и когда была открыта Авачинская губа? / Б. П. Полевой // Норд-ост : люди, природа, история Камчат. обл. : сборник. — Петропавловск-Камчатский, 1984. — С. 75–81.
20. Полевой, Б. П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 2 / Б. П. Полевой. — Петропавловск-Камчатский : Камчат. печат. двор, 1997. — 203 с.
21. Полевой, Б. П. Плавал ли И. М. Рубец от Лены до Камчатки в 1662 г.? / Б. П. Полевой // Норд-ост : люди, природа, история Камчат. обл. : сборник. — Петропавловск-Камчатский, 1984. — С. 34–51.
22. «Скаска» Вл. Атласова, 1700 г. // Колумбы земли русской. — Хабаровск, 1989. — С. 69–76.
23. «Скаска» В. Атласова, 1701 г. // Колумбы земли русской. — Хабаровск, 1989. — С. 76–83.
24. Тексты «Чертежа Камчадальского носу монаха Игнатия Козыревского» // Колумбы земли русской. — Хабаровск, 1989. — С. 258–269.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 10.12.2020.

Сведения об авторе: Быкасов Валерий Егорович, научный сотрудник Института вулканологии и сейсмологии ДВО РАН, действительный член Камчатского краевого отделения РГО (г. Елизово).

Контактные данные: www.bykasov.com; e-mail: pkcats@gmail.com; тел. 8-909-881-19-57.